

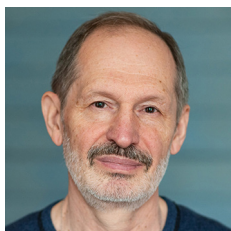
DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.14

EDN: TERKLY

Рецензия

Review

К ТАКОМУ ОПЫТУ СТОИТ ВЕРНУТЬСЯ... РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. А. ВЫБОРНОЙ, М. П. ФЕДУКА «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1959–1968)»¹

**Зырянов
Владимир Викторович¹**

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Для цитирования: Зырянов В. В. К такому опыту стоит вернуться... Рецензия на книгу В. А. Выборновой, М. П. Федорука «Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968)» // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 206–219. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.14. EDN TERKLY.

Аннотация. В монографии показана история Новосибирского государственного университета от его основания в 1959 до 1968 г., когда в основном завершилась трансформация структуры вуза, стабилизировались кадровый состав и учебный процесс. Авторы прослеживают механизмы адаптации модели МФТИ в ходе становления университета нового типа, созданного в комплексе с Сибирским отделением АН СССР и ориентированного на подготовку кадров для научной деятельности. В этом контексте показан процесс формирования профессорско-преподавательского коллектива, сделан акцент на принципе совмещения работы учёных в институтах СО АН и НГУ, отражена роль физико-математической школы в составе НГУ. Специальное внимание уделено личному вкладу в создание НГУ его организаторов. С этой целью авторы использовали просопографический метод, отобрав 176 ключевых персон. В книге также представлены траектории научного и преподавательского роста молодых учёных, работавших в университете, внеучебная деятельность студентов. Отдельное место авторы отводят описанию деятельности ключевых акторов НГУ по созданию имиджа вуза.

Ключевые слова: Сибирское отделение АН СССР, НГУ, основатели Новосибирского научного центра, модель Физтеха, профессура НГУ, молодые преподаватели НГУ, студенты НГУ, физико-математическая школа

¹ Выборнова В. А., Федорук М. П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2024. 294 с. ISBN 978-5-4437-1663-3.

IT IS AN EXPERIENCE WORTH REVISITING... REVIEW OF THE BOOK “NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY. THE FIRST DECADE (1959–1968)” BY V. A. VYBORNOVA AND M. P. FEDORUK²

Vladimir V. Zyryanov¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For citation: Zyryanov V. V. It is an experience worth revisiting... Review of the book “Novosibirsk State University. The First Decade (1959–1968)” by V. A. Vybornova and M. P. Fedoruk. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):206–219. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.14.

Abstract. The monograph shows the history of Novosibirsk State University (NSU) from its foundation in 1959 to 1968 when the transformation of the HEI’s structure was basically completed and the staff and educational processes were stabilized. The authors trace the mechanisms of adaptation of the Moscow Institute of Physics and Technology model during the development of a new type of university, created in conjunction with the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and focused on training personnel for scientific activities. In this context, the process of the formation of the teaching staff is shown, the emphasis is made on the principle of combining the work of researchers in the institutes of the Siberian Branch of the Academy of Sciences and NSU, the role of the physics and mathematics school at NSU is discussed. Special attention is paid to the personal contribution of the organizers to the development of NSU. For this purpose, the authors used the prosopographical method and selected 176 key persons. The book also presents the trajectories of scientific and teaching growth of young researchers who worked at the university and examines extracurricular activities of students. The authors focus on the description of the activities of the key actors in making the image of the university.

Keywords: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, NSU, founders of the Novosibirsk Scientific Center, Phystech model, NSU professors, NSU young lecturers, NSU students, physics and mathematics school

Монография посвящена истории возникновения и становления Новосибирского государственного университета (НГУ) в первые 10 лет, с 1959 по 1968 г. Её подготовили к. ист. н. В. А. Выборнова и ректор НГУ М. П. Федорук. Книга приурочена к 65-летию НГУ. Авторы, позиционируя свою работу, считают, что ретроспективный взгляд нужен для «формирования и поддержания корпоративной исторической памяти сообщества преподавателей и выпускников университета» (с. 3). Источниковой базой монографии послужили как внешние материалы, так и внутренние первичные документы университета: ведомости, штатные расписания, личные дела, справки, отчёты, докладные записки, автобиографии, стенограммы и протоколы заседаний, собраний, конференций. Наконец, исследователи уместно обращаются к работам, в которых

² Vybornova V. A., Fedoruk M. P. Novosibirsk State University. The first decade (1959–1968) [Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. Pervoe desyatiletie (1959–1968)]. Novosibirsk : Publishing and Printing Center of Novosibirsk State University; 2024. 294 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4437-1663-3.

так или иначе отражался путь НГУ от идеи создания до настоящего времени. Отдельно стоит отметить использование личных, мемуарных материалов – воспоминаний, интервью и др.

Первая глава – «НГУ как новационная система» – представляется ключевой частью монографии в том смысле, что именно здесь приводятся базовые идеи, принципы и механизмы, позволившие НГУ стать особенным вузом в пространстве высшего образования СССР, где руководство сверху было всеобщим и жёстким. НГУ был запланирован как часть комплексного проекта нового научного центра (Сибирского отделения АН СССР) с целью решения кадрового вопроса, поскольку к 1950-м гг. сложилась тенденция оттока научной элиты из Сибири как в силу реэвакуации, так и из-за замедления развития филиалов АН СССР в Сибири.

Авторы сосредоточили внимание на выявлении основных направлений научной рефлексии, накопленной в социально-гуманитарных областях знаний относительно принципов и механизмов взаимодействия двух мощных отечественных социальных институтов – науки и образования в реальностях эпохи НТР. Поэтому, хотя монография и посвящена НГУ, в ней достаточно много внимания уделяется причинам, обстоятельствам и процессам создания СО АН, т. к. институты СО АН и НГУ просто невозможно представить друг без друга. Технически организаторы СО АН и НГУ должны были пройти многочисленные этапы инициатив, одобрений, писем, согласований на различных уровнях советских, партийных, научных инстанций, но принципиально всё было с самого начала решено на высшем государственном уровне (с. 17–26).

4 мая 1957 г. на расширенном заседании ЦК КПСС акад. М. А. Лаврентьев озвучил идею основания нового университета как части единого научно-образовательного проекта. Неординарная задача требовала выхода за рамки сложившейся образовательной модели, в противном случае Сибирь, Новосибирск и страна в целом получили бы ещё один традиционно устроенный университет. Однако при наличии рядом уже давно сформировавшегося университета в Томске создавать его дублёра выглядело нерационально. Поэтому новый университет предполагалось строить по модели МФТИ. Обращение к опыту МФТИ имело в стратегии М. А. Лаврентьева два посыла. С одной стороны, эта модель действительно представляла суть замысла создания НГУ, но, с другой – упоминание о хорошо зарекомендовавшей в течение 10 лет образовательной системе облегчало отстаивание своих позиций. Плюс к этому М. А. Лаврентьев сделал тонкий дипломатичный ход – предложил приглашать на стажировку в институты Академгородка наиболее успешных студентов западносибирских вузов уже с 3-го курса. Тем самым академик сформулировал идею, ставшую концепцией и названную «треугольником Лаврентьева», суть которой в комплексном развитии «трёх китов – промышленности, науки и подготовки кадров» (с. 18–24).

Авторы считают, что следующим ключевым шагом в создании НГУ стало назначение первым ректором академика И. Н. Векуа (с. 26). Также в монографии неслучайно показан масштаб личностей тех, кто возглавил первые кафедры, – академиков М. А. Лаврентьева, С. Л. Соболева, П. Я. Кочиной, С. А. Христиановича, чл.-корр. Г. И. Будкера, Д. В. Ширкова; А. В. Бицадзе,

Ю. А. Косыгина (с. 27). В составе первого Учёного совета НГУ было 10 академиков и столько же чл.-корр. АН СССР. И это был принцип, заложенный М. А. Лаврентьевым, на котором создавался университет – определяющие позиции в нём должны были занимать авторитетные учёные и организаторы науки, представляющие перспективные научные направления (с. 33).

Далее авторы подробно анализируют метаморфозы «переваривания» опыта МФТИ в ходе создания и развёртывания работы НГУ. Образовательная модель МФТИ, несомненно, послужила платформой для его создания, стала основой для выработки базовых принципов работы. «Каждый в своё время – МФТИ и НГУ – стали кадровым фундаментом для современной науки. В опоре на физико-математическую компоненту науки как, по мнению М. А. Лаврентьева, “философию современного естествознания и инструмент решения прикладных задач”, ведущие учёные страны видели будущее науки. «В этой парадигме создавался МФТИ и аргументировался перенос его образовательной модели в НГУ. Однако заимствования НГУ “системы Физтеха”, служившие доминантой в первые годы, постепенно уступили место самоопределению, обретению самоидентичности» (с. 35). Действительно, принципиальные, стратегические основания обоих вузов совпадали. Первый принцип Физтеха – соединение науки и высшей школы, второй – привлечение к преподаванию активно работающих в науке учёных. В НГУ с самого начала сложилась пропорция между штатными преподавателями и совместителями из НИИ СО АН 1:5 (сейчас 1:4), в то время как в стране действовали жёсткие запреты на любое совместительство. Практически все приступившие к работе в НГУ учёные и преподаватели либо до приезда в Сибирь работали в МФТИ, либо были знакомы с «системой Физтеха», либо довольно быстро получили «физтеховскую прививку». А дальше началось «переваривание» модели и принципов Физтеха в новых условиях, что и привело к созданию оригинальной модели исследовательского университета, быстро показавшего верность выбранного вектора развития.

Авторы монографии специально подчёркивают – пути и механизмы становления и развития вузов существенно отличались. Характерно, что организаторы СО АН изначально видели как родовые связи, так и принципиальную разницу между НГУ и МФТИ.

- 1) МФТИ «создавался как физико-технологический факультет в рамках МГУ», а НГУ – как самостоятельный вуз.
- 2) МФТИ имел приоритетной целью подготовку кадров для научно-технической сферы, что со временем стало противоречить классической образовательной платформе МГУ и создало предпосылки для самостоятельного развития. Задачи, поставленные перед открытием в 1951 г. МФТИ, были сугубо практическими – кадровое наполнение научно-технической сферы. «Основная идея, заложенная при организации МФТИ, была призвана сделать процесс обучения подвижным, способным оперативно откликаться на остро актуальные требования промышленности» (с. 35).

Принципиальное отличие создания НГУ состояло в базовой задаче – подготовке кадров для академической науки и прежде всего – для СО АН. А раз так, то, значит, ограничиваться математикой и физикой было невозможно: структура СО АН была обширнее и разнообразнее, более

того, она строилась во многом на стыках наук (на Учёном совете СО АН в 1957 г. прописано, что университет будет готовить кадры в том числе на физико-техническом, геолого-географическом, медико-биологическом факультетах).

- 3) МФТИ создавался в Москве, а НГУ – в Сибири, вдалеке не только от столичных, но и от других университетских центров (кроме Томска).
- 4) МФТИ шёл от классического образования к более узкопрофильному, НГУ сразу мыслился как классический университет.
- 5) В МФТИ были сконцентрированы статусные научные кадры по узким профилям подготовки (физика и математика), в НГУ удалось привлечь крупных специалистов почти по всем направлениям науки того времени.
- 6) Особенностью СО АН и НГУ была логика формирования НИИ СО АН и факультетов НГУ. А именно: каждый НИИ создавался под сложившегося научного лидера определённого научного направления, который становился директором; каждый факультет НГУ призван был обеспечить научными кадрами определённые НИИ, поэтому наилучших результатов можно было достичь, если кафедры и факультеты НГУ возглавляли директора НИИ, точно знающие, под какие научные задачи нужно готовить кадры. Для реализации этого замысла НИИ СО АН должны были обеспечить студентов с 3-го курса научным руководством, местами практики, лабораторным и экспериментальным оборудованием, соответствующей тематикой и инфраструктурой. «Работа институтов стала неотъемлемой частью работы университета» (с. 39).
- 7) По оригинальным авторским программам (не типовым) было разрешено преподавать не только специальные дисциплины (по которым ещё не могло быть учебников), но и основные, базовые предметы.
- 8) Принципиальным для руководства НГУ был вопрос о ранних вступительных экзаменах (на две недели раньше остальных). Такой опыт уже был у МГУ и МФТИ. С 1960 г. к ним присоединился НГУ (с. 40).
- 9) Не без дискуссий, но в НГУ пришли к выводу, что итоговым испытанием должна быть дипломная работа, а государственный экзамен по специальности было решено не проводить. Доводы «за» и «против» госэкзаменов имели свои основания. «Против» все первые годы выступали основатели университета. Их аргументом была доминанта научных способностей перед академическими знаниями и навыками, т. к. университет готовит научные кадры и выпускные работы студентов являются пропуском в научные проекты их руководителей (акад. С. А. Христианович, Д. Г. Кнорре). С другой стороны, показательно высказывание ратовавшего за госэкзамены акад. С. Л. Соболева о том, что на экзаменах «мы обнаруживаем иногда совершенно удивительные, с точки зрения пятилетнего обучения в университете, провалы материала» (с. 40–41). Кстати, приоритет научной деятельности перед педагогической культивировался и в требованиях Учёного совета к кандидатам на конкурс при формировании кафедр (с. 34).
- 10) НГУ в советское время был «слугой двух господ» – фактически университет был плоть от плоти СО АН, а формально подчинялся Министерству высшего образования (с. 42). Отношения НГУ с обоими центрами силы всегда

строились на компромиссных началах, хотя и было несколько попыток передать НГУ в юрисдикцию СО АН и считать научным учреждением (с. 41). Положение, которое справедливо расценивалось как временное, сохранилось (как это часто бывает) на последующие десятилетия, обеспечив главный принцип университета особого типа и статуса – совмещение учёными работы в науке с преподаванием и научным руководством.

Вторая глава – «Профессорско-преподавательский состав» – начинается с параграфа «Акторы НГУ», в котором авторы обращаются к своеобразному портрету коллектива, создававшего новый вуз.

Для этого авторы прибегли к просопографическому методу³. Для исследования сущностных характеристик организаторов НГУ были отобраны 176 персон (в приложении представлены ФИО, должности в НГУ, академические и учёные степени и звания) (с. 151–163). По мнению авторов, именно они определяли в первое десятилетие все стороны работы НГУ от его структуры, учебных планов, научной и кадровой политики до финансовых, организационных, бытовых, досуговых и др. вопросов.

Сначала отобранная группа характеризуется по социально-демографическим параметрам. Так, преобладающему количеству акторов НГУ на начало работы в университете было от 40 до 50 лет. Пёстрой была картина социального происхождения: «из дворян» и «из крестьян» по 12%, при доминировании группы «из служащих» – 48%. Приведены и данные членов группы по признакам национальности, членства в КПСС и др. (с. 47–48).

Особое место в книге отводится путям в науку акторов НГУ. Подавляющее большинство – это выпускники вузов Москвы и Ленинграда. Примечательно то, что если в старшей возрастной группе 45% представляли вузы Ленинграда, а 33% – Москвы, то в младшей пропорция перевернулась: 12% на 48% в пользу вузов Москвы. Одновременно от старшей к младшей группе росла доля выпускников сибирских вузов. Для старшей и средней возрастных групп отобранной совокупности Москва и Ленинград преимущественно значились как места защиты кандидатских диссертаций. А вот молодые акторы НГУ почти все защитили свои первые диссертации, работая в НГУ (с. 66).

У тех, кто на момент прихода в НГУ уже были докторами наук, защиты происходили в среднем в 37 лет, т. е. путь от кандидатской до докторской занимал в основном 7–12 лет. А вот в младшей группе принятых на преподавательскую работу в НГУ срок от поступления на работу до защиты докторской диссертации варьировал от одного до шести лет. Что, конечно, говорит о стремительном статусном росте (с. 66).

Что касается академических званий, то к тем учёным, которые на момент переезда в Новосибирск уже были академиками и чл.-корр., за 1959–1968 гг. добавились ещё 25 коллег, ставших чл.-корр., и 14 – академиками во время

³ Цель просопографии «...определяют как изучение истории групп (как элементов в политической и социальной истории), достигаемое выделением последовательности личностей, имевших определённые общие политические и социальные характеристики... <...> Просопографический анализ занимается личностью, её окружением, её социальным положением, то есть личностью в контексте... социальных групп, а также местом или местами, в которых она была активна, и функцией, которую она выполняла внутри своего социума» [1, с. 940].

работы в СО АН. Причём средний возраст присвоения звания академика у них составил 48 лет (с. 52).

Для работы в НГУ важен был не только научный опыт, но и преподавательский. До 80% акторов НГУ старшей и средней групп обладали им, среди молодых им располагали только 30% (с. 54).

Ещё одним «штрихом к портрету» коллективного актора НГУ авторы выбрали знание иностранных языков. Навык чтения на основных европейских языках был у всех!!! Более того, свободно общаться на трёх языках могли 20% учёных в старшей группе. Но чем младше были учёные, тем меньшее их число владело более чем одним языком и тем более приоритетным становился английский язык (с. 55).

Название второй части главы – «Молодые преподаватели: перспективы карьерного роста» – говорит само за себя. Основатели НГУ изначально осознавали, что становление нового университета, его последующая жизнеспособность невозможны без стабильного и качественного кадрового обеспечения. Было ясно, что часть приехавших в Академгородок учёных, привлечённых к преподаванию в НГУ, не приживётся в Сибири: кто-то не осилит преподавательскую работу, кому-то будет тяжело совмещать науку и преподавание. Авторы приводят статистику, наглядно подтверждающую правоту этих тревог и забот. Всего за 1958–1966 гг. СО покинули 89 членов АН СССР и докторов наук, 511 кандидатов наук. На этом фоне надо было обеспечить развитие университета – появление новых факультетов и специальностей, их обновление в соответствии с векторами развития науки, увеличивать наборов студентов. Отсюда необходимость постоянного поиска кадров, воспитанных уже здесь, в НГУ, которые не нужно было адаптировать ни к климату, ни к условиям жизни, ни к работе в СО АН. И действительно, за тот же период в СО АН защищено 112 докторских и 960 кандидатских диссертаций (с. 82).

В этом контексте оправданным выглядит акцент авторов монографии на специальное изучение биографий молодых преподавателей, чтобы таким образом получить дополнительные сведения об успешности реализации базового принципа работы НГУ – совместительства. Для этого авторы сделали выборку из молодых учёных СО АН до 28 лет, которые работали в НГУ в первые 10 лет, имея основную занятость в одном из НИИ СО АН, и представляли все факультеты и кафедры. Целью стало выявление возможностей карьерного и научного роста молодых людей на базе университета (с. 59). В выборку попало 167 чел. Наиболее представленными среди них были выпускники МГУ – 45 чел., МФТИ – 18 чел., ЛГУ – 11 чел., ТГУ (Томск) – 9 чел. Отдельно отметим, что с 1964 г. в НГУ стали преподавать его первые выпускники, в референтной группе их оказалось 28 чел. (с. 61). Динамика пополнения ППС выпускниками разных вузов за эти 10 лет выглядела так: в 1959 г. больше всего прибывших в НГУ было из МФТИ, затем, до 1964 г. – из МГУ, а к концу десятилетия университет вышел на самовоспроизводство преподавательских кадров (с. 62).

Конечно, молодые преподаватели стремились подтвердить свой научный статус защитой кандидатской диссертации. В отобранной группе 70 чел. защитили диссертацию до 28 лет и ещё 57 чел. сделали это до 35 лет, у остальных защититься в этот период не получилось. Излишне говорить, что получение

учёной степени открывало карьерные возможности как в СО АН, так и в НГУ, причём не только научные, преподавательские, но и административные. Таким образом, к 31 году молодые учёные, преподававшие в НГУ, массово защищали диссертации, получали должности с. н. с. и доцента, а кто-то даже становился деканом или зам. декана. Успешно и динамично складывавшаяся карьера приносила соответствующие доходы, возможность участия в конференциях, в т. ч. и за рубежом, публикации научных результатов и учебно-методических работ, причём во многом новационных, эксклюзивных (с. 68). Авторы монографии сделали, на наш взгляд, очень правильный ход, проследив дальнейшую судьбу всех 167 членов референтной группы. Их научная и административная карьера впечатляет – 65 защитили докторские диссертации, причём трое в возрасте до 30 лет, 21 чел. – до 35 лет, остальные – после 40 лет. 12 чел. из этой группы были избраны академиками, из них двое (А. П. Деревянко и Н. С. Диканский) были в разное время ректорами НГУ, ещё трое стали чл.-корр. (с. 70–71).

Третья глава выглядит не столь цельно и логично, как предыдущие. Она называется «Образовательно-научный процесс», но, по сути, авторы только в первом параграфе – «Вектор развития академической структуры» – раскрывают перипетии формирования состава факультетов и специальностей, и логически он выглядит цельно. В то время как вторая часть главы посвящена студенчеству и, строго говоря, с предыдущим параграфом не связана. В четвёртой главе речь вновь идёт о студентах, их социокультурно-досуговой жизни. Поэтому, на наш взгляд, было бы логичнее объединить студенческие сюжеты в одной главе.

Возвращаясь к первому параграфу третьей главы, отметим, что авторы убедительно показывают, насколько нелинейным, противоречивым и сложным было становление факультетов и специальностей. Комплексное изучение вопроса показывает, что история создания структуры университета, происходившая в первые 10 лет, – это путь поисков и находок, надежд и разочарований, проб и ошибок, единодушия и размолвок. Отчасти они стали следствием (1) подспудного (а то и явного) противостояния «системы Физтеха» и линии на создание классического университета, (2) ограниченности кадровых возможностей, (3) невозможности полностью согласовать задачи подготовки кадров для науки и для народного хозяйства, включая и среднее образование, (4) парадоксально-несовпадения мотивов приехать в Академгородок для построения карьеры и покинуть его с той же целью.

Одной из главных болевых точек первых лет работы НГУ, по мнению авторов, был гумфак. Мало того, что его не предусматривали в начальном проекте университета, но к тому же не нашлось ни одного видного учёного-гуманитария, который изъявил бы желание работать в Академгородке (с. 73). Если видные математики и физики переезжали сюда со своими учениками, то у гуманитариев такой подпитки не было. Более того, если для всех факультетов работало правило: сначала создавался НИИ СО, а потом его «филиал» в НГУ, то с гумфаком было ровно наоборот: сначала появился он, а только в 1966 г. – Институт истории, филологии и философии СО АН. Факультет был очень маленьким, его признавали нерентабельным, пытались математизировать в соответствии

с «системой Физтеха», в т. ч. через открытие и развитие специальности «математическая лингвистика». В результате из «математики» остановились на курсе основы статистики для историков, которая была им не только понятна, но и полезна, а лингвистику и математику развели по привычным для них направлениям (с. 74).

Ворох проблем, накопившихся к 1968 г., вылился в «кризис гумфака», т. е. попытку части руководства университета передать факультет в Красноярский университет, который как раз оформлял самостоятельность, вырастая из стесняющих его рамок филиала НГУ. Однако этого не случилось, в т. ч. и благодаря достаточно активной и аргументированной позиции парткома НГУ, который считал, что гумфак надо сохранить, реформативировав учебную и воспитательную работу, подбор кадров (с. 77). В том же году была запущена перезагрузка факультета: сменился декан, постепенно расширился спектр направлений подготовки. Взгляд из сегодняшнего дня говорит о правильности и дальновидности принятых тогда решений. Сегодня в составе НГУ работает Гуманитарный институт, в его составе 14 кафедр и более 300 преподавателей (с. 78).

Другое проблемное поле НГУ в первые годы, отмеченное авторами, было биологическое направление ФЕНа. Первоначально планировалось профилировать его как медико-биологическое, но по ряду причин (объективных и субъективных, в частности, конфликт М. А. Лаврентьева и Е. Н. Мешалкина) планы остались планами, а биологов продолжили готовить по «системе Физтеха». Однако вскоре выяснилось, что биологам столь мощная математическая подготовка оказалась излишней: в практической и научной работе она была не востребована, а вот биологических навыков и знаний не хватало. Таким образом, после «медицинского зигзага» биологическое образование вернулось в «исходную точку» – к цитологии и генетике (с. 79).

В структуре гуманитарного образования для основателей университета было сразу понятно, как и на какой основе будет развиваться экономическое образование. Т. к., во-первых, уже был заложен ИЭиОПП СО АН, и во-вторых, математика весьма органично и многообещающе позволяла расширить горизонты изучения экономики. Также авторы не преминули заметить, что одним из возможных направлений в структуре НГУ могла стать «социология». Тогда в СССР она, как и генетика, была в опале, тем не менее был даже подготовлен учебный план (1966), идею активно поддерживал А. Г. Аганбегян, мысливший социологию в системе экономического образования. Тогда эти планы реализовать не удалось, но зато в 1989 г., когда эта специальность была открыта, на экономическом факультете НГУ, наряду с МГУ, ЛГУ и ещё четырьмя вузами страны, также началась подготовка социологов (с. 76).

Ещё одно заметное движение в становлении НГУ, выделенное авторами, – вечернее обучение. В первые годы оно выполняло роль подпитки для дневного отделения, но уже скоро стало очевидным его несоответствие цели подготовки кадров для науки. Ведь она предполагает мощную теоретическую базу и развитие навыков проведения экспериментов. Работавший весь день студент физически не мог выдержать такой темп освоения материала. Кроме того, вечерниками могли быть только жители Новосибирска, а этот контингент за несколько первых лет был практически выбран (с. 82–83).

Наконец, ещё одним важнейшим элементом НГУ, по замыслу отцов-основателей, должна была стать собственная физико-математическая школа (ФМШ). Обкатав принципы, формы и материалы отбора талантливых школьников на Всесибирских олимпиадах в 1961–1962 гг. и проведя необходимую организационную подготовку, уже в 1963 г. ФМШ приняла своих первых учеников. Кстати, такие же школы по решению Совета Министров СССР в том же году открыли МГУ и ЛГУ (с. 86). Авторы книги предметно показали, насколько органично ФМШ вписалась в систему НГУ – СО АН. Основные предметы в ней по оригинальным программам преподавались сотрудниками НГУ, которые выдерживали соответствующий научный уровень, ориентируя выпускников ФМШ на продолжение учёбы в НГУ. На первых порах (до 1966 г.) переход в НГУ был бесшовным, т. е. экзамены в школе были одновременно и вступительными. Но в последующем, становясь абитуриентами, выпускники ФМШ вынуждены были сдавать вступительные экзамены на общих основаниях. Через некоторое время, осознав, что часть абитуриентов, не получив льгот при поступлении в НГУ, уезжает в др. вузы, руководство нашло решение учитывать результаты выпускных экзаменов при поступлении в университет (с. 87).

Таким образом, к 1968–1969 уч. г. структура НГУ сложилась как отработанная жизнеспособная и эффективная модель.

Как было указано выше, дальше в монографии описаны процессы формирования контингента студентов, учёбы и внеучебной жизни. Сначала авторы показывают условия жизни и приводят факты об учёбе, характеризуя это как путь в науку.

О том, с каким вниманием основатели НГУ подходили к назначению университета готовить кадры для науки, свидетельствует первая приёмная кампания. Так, успешно выдержавшие экзамены абитуриенты ещё проходили собеседование с академиками и чл.-корр. АН. Их интересовала прежде всего осознанность выбора, круг интересов, логичность мышления (с. 95). Численность набора от года к году росла и к 1963 г. стабилизировалась на уровне 750–770 чел. Показательными являются данные, приведённые авторами, относительно географии абитуриентов. Так, в 1963 г. Сибирь и Дальний Восток представляли 1980 чел. (в т. ч. 590 из Новосибирска), 170 чел. приехали из европейской части страны и 110 – из Казахстана (с. 96).

Однако абитуриентам недостаточно было просто желаний учиться в новом университете, на порядок важнее было соответствовать высочайшим требованиям, которые с самого начала были установлены в качестве планки успеваемости. Вот какие данные приводят авторы по отчёту за 1963–1964 уч. г. Из приступивших к обучению 1695 студентов за год выбыло 273 (16%), в т. ч. по неуспеваемости 135 (8%) (с. 99). В учении, по Суворову, было реально тяжело... Но если подходить иначе, то в науку придут те, кто к работе в ней не готов ни по знаниям, ни по навыкам, ни по мышлению, ни по преданности (как бы пафосно это не звучало). Происходил действительно жёсткий отбор тех, кто мог и хотел заниматься наукой, у кого это получалось и кто не видел для себя других карьерных траекторий. Образование строилось таким образом, что общие лекции и лабораторные работы на 1–2 курсах читались в университете, а с 3–4 курсов

спецкурсы и подготовка дипломных работ проходили в НИИ. При этом все дипломные работы выполнялись как части плановых исследований, соответствующих институтам.

Касаясь распределения выпускников, авторы демонстрируют, как уже в первом десятилетии университет начинает совмещать статус классического университета и своё предназначение кузницы научных кадров. Т. к. НГУ был не только инкорпорирован в СО, но и напрямую подчинялся Министерству высшего и среднего специального образования, то вынужден был выполнять план распределения. В том числе на солидное число направлений в вузы Сибири и Казахстана, поскольку к этому времени возникла лакуна в подготовке преподавательских кадров. Поворотным стал 1967 г., к этому времени резко возросло количество выпускников, а доля СО АН по сравнению с другими местами распределения уменьшилась (до этого года в СО АН распределялись 57% выпускников, после – 4%), среди мест распределения появились СОШ (с. 104–105). Кстати, это обстоятельство, как и запуск ФМШ, подвигло руководство НГУ открыть кафедру педагогики.

Аспирантура в НГУ начала работу в 1960 г. В первые годы половина аспирантов представляла гуманитарные и социальные направления. Это объяснялось тем, что именно в этих областях в НГУ был заметный «кадровый голод». От четырёх человек в первый год приём аспирантов довольно быстро вырос до 184 (1968–1969 уч. г.). С этого времени аспирантура НГУ стала готовить кадры не только для себя, но и для вузов Новосибирска, Красноярска, Барнаула, Иркутска, Улан-Удэ и др. (с. 105–106).

Завершающую главу авторы называют «Социокультурная среда», правда, обращаются при этом только к двум её аспектам – студенческой жизни (параграф «Студенческие и инициативы») и очень важному аспекту внешней среды – имиджу университета.

Если оценивать содержание монографии с позиций сегодняшнего дня, то параграф, посвящённый внеучебной студенческой деятельности, на наш взгляд, имеет меньше всего «мостиков», связей с жизнью сегодняшних студентов и проблемами современных вузов в целом. Поэтому считаем, что целесообразно будет лишь пунктирно отметить основные положения параграфа, в котором авторы довольно подробно обрисовали инициативы, искания и заботы студентов.

Атмосфера «оттепели» 1960-х гг. и известный суверенитет Академгородка создали довольно уникальную для СССР ситуацию, когда общие для страны интеллектуальный поиск, свобода и демократичность самовыражения, активность в реализации своих идей, общий оптимизм были дополнены своеобразием условий жизни и учёбы (с. 107) и способствовали реализации студентами их творческих потенций. Креативность обучения и неординарность преподавателей побуждали студентов к самореализации и самовыражению (с. 108). Преподаватели увлекали не только новаторскими идеями в науке, но и стимулировали самостоятельность и нестандартность мышления. Немногочисленность студентов, простота общения, близкий возраст способствовали сокращению дистанции в отношениях «студент – преподаватель». Взаимная увлечённость создавала демократическую, доверительную атмосферу во взаимодействии даже

с докторами наук и академиками. Как следствие – чувство собственного достоинства, естественно возникавшее у студентов. Массовый десант в Академгородок харизматичных учёных, уже имевших имя в науке и с желанием принявшихся создавать новый научно-образовательный феномен, интенсивно формировал соответствующий научный этос (с. 109).

Среди активностей, которые оставили заметный след в истории университета и во многом повлияли на формы студенческой жизни и векторы начинающих складываться традиций, авторы отмечают:

- проведение Всесибирских олимпиад – их организовывал в том числе Совет молодых учёных, объединивший преподавателей и студентов (с. 109);
- сельхозработы – студенты университета занимались тем, чем и все студенты СССР, – выезжали на месяц на «на картошку»;
- стенную печать – сначала, как инициатива «снизу»; появился еженедельник «Щелчок», по сути выражавший в юмористической форме общественное мнение студентов университета; одновременно «сверху» возникла «Университетская жизнь» как орган комсомольской организации НГУ; в 1964–1967 гг. выходил откровенно оппозиционный «Треугольник»; жизнь студентов также отражали газеты факультетских студ. клубов – «Оракул», «Логос», «Оптима», «Прометей», «Кентавр» и др. (с. 115);
- студенческие строительные отряды (ССО) – первый ССО организовались в НГУ в 1964 г.; в той атмосфере поиска и самовыражения, что царила в университете, надо было только зажечь «спичку», что и сделали студенты, переведшиеся из ЛГУ и имевшие уже опыт работы в ССО; в дальнейшем, как отмечают авторы, «форма “летнего трудового семестра” до перестройки оставалась привычным инструментом» студенческой активности и заработка (с. 119);
- студенческие клубы – они были призваны решать проблему заполнения и направления культурно-досугового времени студентов и контролироваться партийными органами в части идеологической выдержанности. Но ближе к концу 60-х в деятельности клубов стала более заметной политическая составляющая. Авторы справедливо замечают, что дух «свободомыслия» оказался настолько сильным, что поощряемое сверху клубное студенческое движение из творческой, лояльной комсомолу инициативы породило активизм, политически окрашенный диссидентством (с. 124).

Непродолжительное, хотя и заметное место во внеучебной жизни НГУ занимали и такие формы студенческой активности, как маёвки, карнавал, студенческий театр.

Осмысливая уже сейчас опыт студенческой активности первого десятилетия можно прийти к пониманию того, что в нём в яркой, контрастной форме отразились практически все проблемы и противоречия советского общества. Насыщенность студенческой жизни в родившемся и бурно растущем организме НГУ была изначально обусловлена как объективными причинами, такими как концентрация пассионарной студенческой молодёжи в обособленном научном

центре, так и ситуативными: период «оттепели», установка основателей НГУ на развитие свободного исследовательского мышления и самоуправления. Поэтому неудивительно, что жизнь в университете буквально бурлила, пузырилась и периодически выбрасывала разнообразные инициативы, неординарные идеи, переваривала комсомольскую ангажированность и диссидентские выбросы, чтобы за весьма короткий период сформировать своеобразный и узнаваемый облик, традиции и дух университета.

В последнем параграфе «Имидж университета в информационном пространстве» авторы обратились к имиджевой стороне появления и становления НГУ, что выглядит совершенно оправданно. Дело в том, что, хотя открытие университета было одобрено руководством страны и обеспечено ресурсами, всё-таки создание не закрытого, а «гражданского» наукограда предпринималось впервые, к тому же не в европейской части страны, что несло определённые риски. Поэтому если государственно-общественный интерес к проекту университета нового типа был естественным, но всё же больше пассивным, то для основателей комплекса СО АН – НГУ работа со СМИ была настоящей необходимостью. Без этих усилий невозможно было создание желаемого образа Академгородка, затруднено кадровое наполнение СО АН и привлечение абитуриентов для учёбы в ещё непонятном новом университете.

В книге приведена хронология этой работы. Так, первым начал разговор со страной о НГУ на страницах центральной и местной печати академик С. А. Христианович в 1959 г. статьёй в «Советской Сибири». Затем в «Вечернем Новосибирске» вышла статья первого ректора НГУ И. Н. Векуа. Следом появилась публикация декана ФЕН Б. О. Солоноуца в столичном журнале «Вестник высшей школы». После такой «артподготовки» в «Комсомольской правде» опубликовал статью академик М. А. Лаврентьев, а к началу занятий, 26 сентября, опять в «Вечернем Новосибирске» выступил ректор И. Н. Векуа (с. 127). В следующем году основатели НГУ продолжили активное развитие идеологии «университета нового типа», разъясняя его цель, задачи и принципы обучения. Важно было показать опыт первого года работы университета и его успехи. Затем были статьи в «Правде», ответ журналисту «Литературной газеты». Круг авторов расширился – вышли статьи академика С. Л. Соболева и нового ректора Р. И. Солоухина. В последующие годы статьи выходили во многих центральных и местных газетах и журналах, среди них: «Известия», «Вестник АН СССР», «Наука и техника», «Техника и молодёжь», «Юность», «Огонёк», «За науку в Сибири», «Молодость Сибири» и др. (с. 130). К концу десятилетия острота восприятия центральной прессой феномена НГУ постепенно пропала, что было вполне естественно: вуз состоялся и даёт ожидаемый результат, трудности в основном преодолены, идёт текущая работа...

Отдельное место авторы отвели роли в создании благоприятного имиджа с помощью ресурсов кинодокументалистики, радио и телевидения. Они отдельно останавливаются на двух зарубежных фильмах о НГУ – французском «Виза в будущее» и английском – «Сибирь: великий эксперимент», вышедших в 1966 г. (с. 132) В английском фильме, кроме фактов о появлении и становлении университета, авторы отдельно останавливаются на НГУ, подчёркивая, что

«наряду с университетами Москвы и Ленинграда – это один из самых сложных для поступления». Далее приводятся такие шокирующие для англичан факты: студенты «приходят на занятия шесть дней в неделю на протяжении 42 недель каждый год. У английских студентов – почти шестимесячные каникулы. А здесь 6–8 недель. Этот университет особенный, поскольку студенты работают в исследовательских институтах на двух последних курсах пятилетнего обучения <...> можно сказать, что они получают образование, эквивалентное магистерскому» (с. 133). Как же актуально сегодня напомнить о «болонских мучениях» российского высшего образования, когда мы отошли от этих достижений для того, чтобы получить тот же уровень (а чаще худший) подготовки студентов только за шесть лет бакалавриата и магистратуры.

После прочтения книги возникает ощущение, что её значение не ограничивается внутрикорпоративной ценностью, на что указывают авторы в предисловии. Насыщенная конкретными сведениями, цитатами из воспоминаний участников тех событий, выдержками из документов, аналитическими выкладками и содержательными выводами, монография, безусловно, вносит дополнительные краски в имидж университета, дополняя впечатление, сформированное литературой, посвящённой вузу в прежние годы. Но, кроме того, книга подталкивает к переосмыслению процессов и результатов деятельности того, советского НГУ, и несколько другому взгляду на сегодняшний день российского высшего образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова М. С. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 939–954. DOI 10.15826/qr.2022.3.710. EDN TFHTKH.

REFERENCES

1. Petrova M. S. The modern methods and approaches of prosopography (a researcher's workshop). *Quaestio Rossica*. 2022;10(3):939–954. (In Russ.). DOI 10.15826/qr.2022.3.710.

Поступила в редакцию / Received 12.02.2025.

Принята к публикации / Accepted 10.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зырянов Владимир Викторович zyryanovvv@my.msu.ru

Кандидат экономических наук, доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
SPIN-код: 7628-5292

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Zyryanov zyryanovvv@my.msu.ru

Candidate of Economics, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0349-0474